

ВЕСТИ

FREE JEWISH UNIVERSITY IN MOSCOW

№ 1 октябрь 1992 г. / тишрей 5753

Первый месяц еврейского года — это веселый месяц Тишрей, в нем больше праздников, чем в любом другом месяце. И как тело человека начинается с головы, так и еврейский год начинается с праздника Рош а-шана (буквальный перевод с иврита — «Глава года»). Мы надеемся, что предстоящий год будет лучше прошедшего, и просим об этом Всевышнего, Царя Вселенной. Просят все — и взрослые и дети. Когда сразу много людей молят Царя о чем-то, он наверняка услышит. Не все знают слова молитв, но каждый верит и надеется.

Можно выразить мысли и чувства не только словами, но и музыкой. В Рош а-шана звучит особая музыка — голос шофара, оленяго или бараньего рога, в который трубят. Шофар мы услышим еще раз — он возвещает о конце дня и завершении поста Йом кипур.

Обратим внимание на внутреннее противоречие, кроющееся в словосочетании Рош а-шана (Новый год). Всем известно, что существует повторяющийся цикл, заложенный в самой структуре года. Это смена сезонов — осень, зима, весна, лето. Вновь те же короткие и длинные дни, дожди, засуха, холод и жара. Все это повторяется из года в год, хотя и с изменениями.

Жизнь человека, как и смена времен года, представляет, в сущности тот же цикл рутинных изменений. Даже о событиях, которые кажутся потрясениями, разные люди судят настолько одинаково, что иногда кажется, будто это образ одного и того же человека, скопированного бесконечное количество раз.

Человеку остается лишь ждать Нового года в надежде на изменения. Религиозный еврей, живущий напряженной духовной жизнью, имеет возможность вновь пережить Синайское откровение. Люди говорят: «Счастливы те, кто верят». Возможна ли в наше время истинная вера или она осталась в польском гетто, у старшего поколения выходцев из Марокко, в маленьких ортодоксальных общинках?

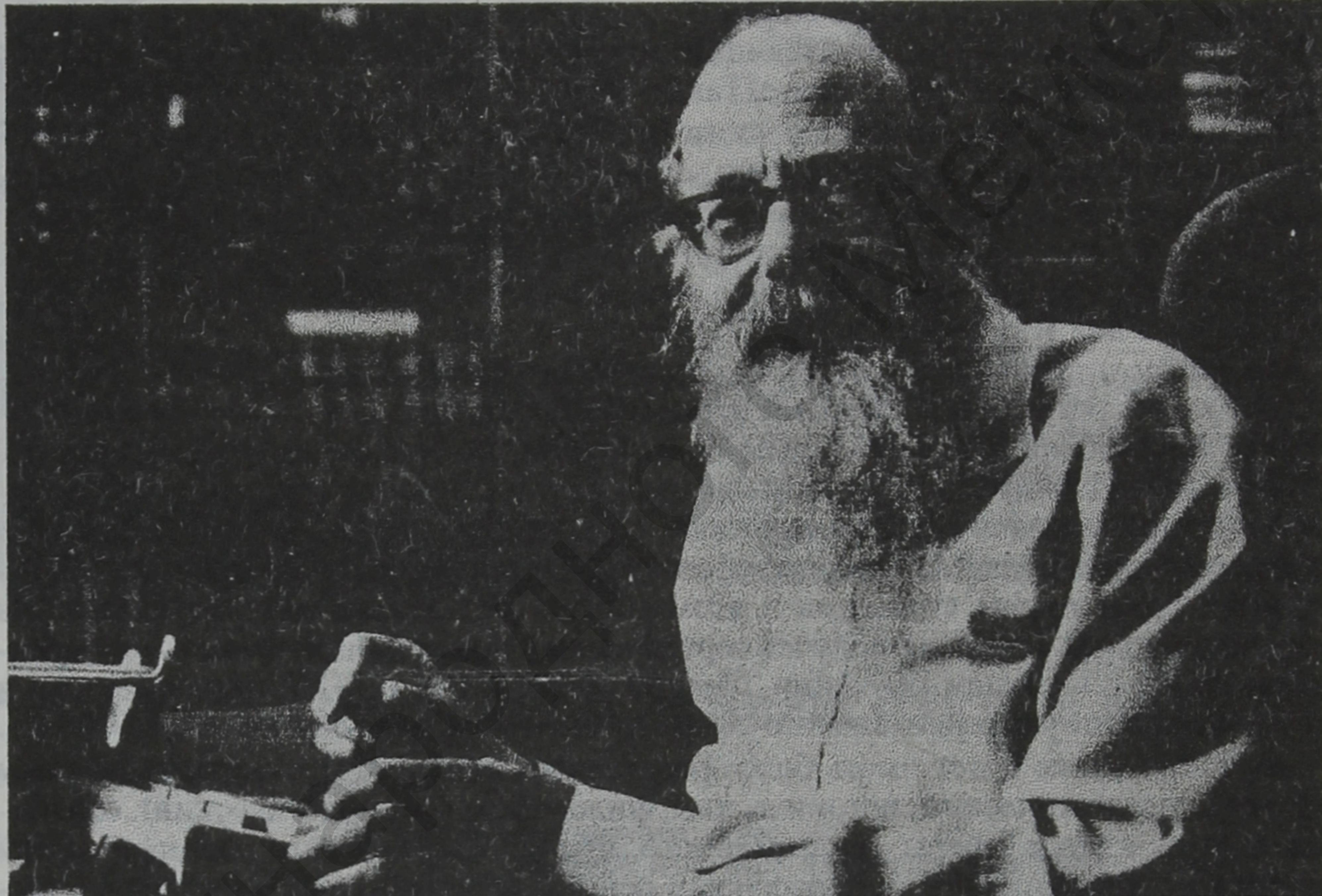
Люди, каким бы уровнем образования они ни обладали, стремятся к вере, однако вера религиозного человека нередко воспринимается как нечто абстрактное, оторванное от реальности. Слово «вера» имеет на иврите общий корень со словами «педагог», «опекун», « тот, кто воспитывает ребенка и заботится о нем». Необходимо взрастить и раскрыть эту веру, дать ей возможность выразить себя, достичь воплощения.

Год уходит за годом, и человек зачастую воспринимает свою жизнь как бесконечно повторяющийся сон — замкнутый круг, из которого невозможно вырваться.

Звук шофара — резкий крик, не ласкающий ухо, за которым вообще не стоит словесная реальность. Каждый человек интерпретирует его по-своему.

Два раза — длинное трубление, затем короткое трубление — надрывный стон. Дважды это знак предупреждения, дважды — победы. Предупреждения — о том, что человек может ухудшить свою жизнь, усугубить свои беды; победы — над привычной рутиной жизни. Ведь есть же Новый год, есть врата надежды.

Центральный элемент Рош а-шана — шофар — никогда не был для евреев просто музыкальным инструментом. Прерывистый

МЕСЯЦ ПРАЗДНИКОВ

Рав Адин Штайнзальц

Клик шофара, переходящий то в надрывный стон, то в сплошное трубление, то напоминающий вздох, угрожает, пробуждает от сна. Поэтому сказал Рамбам: «В звуке шофара есть скрытый намек: спящему — пробудится от сна, дремещему — встрепенуться, забывшему правду в суете — всмотреться в свою душу, исправить свой путь».

Звук шофара уводит от жизненной рутины, возвращает к раскаянию. Смысл тшувы — показать человеку, что в его силах добиться собственного обновления. Вся система религиозного существования противоречит рутине, хотя кажется, что наоборот, рутине усиlena в нем во много раз. Однако сущность всей этой системы — изменение, разрыв завесы повседневности.

Один праведник сказал: «Так, как знаю я, что велик Всевышний». Другой человек не может приблизить меня к пониманию величия Всевышнего. Чужое звание, хотя бы и более

глубокое, более цельное, более всеохватывающее, все равно остается знанием чужим; переживание личного узнавания невозможно передать никому другому, подобно тому, как человек не может передать вкус съеденного плода. Кто же может вкусить от плода древа жизни? Для этого не надо обладать жизненным опытом, отличаться особой душевной чистотой или выдающимися способностями. Где находится эта самая вера? Не на небесах и не в море — вблизи тебя, на твоих устах, в твоем сердце. Часто уста человека говорят языком правды и веры, однако он не отдает себе отчета в том, что произносят его уста, что диктует ему сердце. В обыденной житейской фразе порой есть утешение плачущему, подсознательная уверенность, что, несмотря на все жизненные преграды, можно пройти по жизни, не теряя собственного достоинства.

□

Under the Direction
of Rabbi Adin Steinsaltz

שְׁרֵי הַאֱלֹהִים

רב עדין שטינזאלץ שליט"א
בנשיאות

The Aleph

ЕВРЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В МОСКВЕ

ВЕСТИ

JEWISH UNIVERSITY IN MOSCOW

№ 2 декабрь 1992 г. / кислев 5753

СВЕТ В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Что видим мы, открывая глаза утром? Что видим мы, если конечно, не дай Б-г, не слепы мы совершенно, прежде всего? Свет. Ясный день или сумрачный, хорошее у нас настроение или дурное, удачливы мы в этой жизни или нет – утро все равно сменяет ночь и на смену тьме приходит свет.

Что это такое? Можно вспоминать теории физики, начиная с эара Исаака Ньютона и заканчивая Альбертом Эйнштейном и Теодором Кацулой, но можно и вспомнить, что свет был первым из творений Гашема. Можно сколь угодно долго и сколь угодно сложно размышлять о сущности и происхождении света – это важно и необходимо, но без света дневного, света лампы или светильника невозможно никакое действие и никакая работа, и это совершенно ясно без разумий. Нельзя идти в темноте не споткнувшись, нельзя построить дом, нельзя видеть и узнавать людей и их поступки. В начале Торы написано: "Сказал Всесильный: "Да будет свет!" и стал свет. И увидел Всесильный свет, что он хорош, и отдал Всесильный свет от тьмы и назвал Всесильный свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один." [Брейшит, 1-5].

Говоря о свете, мы имеем в виду не только свет физический. Слово "свет" во всех языках и канонах связывается с понятием о чистоте, добре и святыни. Там, где присутствует добро, присутствует и свет. Свет, идущий сквозь тьму и тьму побеждающий. Этот свет виден всем. Так же и в иврите, и в русском языке свет – слово, связанное с понятием добра и блага, символ святыни. В европейской традиции "свет" – это Тора" [Мегила, 16]. Это пожалуй что одно из очень немногих понятий, с которым может быть сравнена Тора. Подобно тому, как при свете дня мы ясно видим все, что нас окружает, и, благодаря этому, верно понимаем, что происходит вокруг и делаем верные шаги и поступки, так и благодаря Торе, освещающей нам жизнь нашу, мы верно понимаем и оцениваем свои собственные и чужие поступки и можем быть разумны, а не слепы в понимании того, что происходит вокруг.

Тора помогает нам правильно рассуждать и отделить истину от лжи и свет от тьмы, т.к. сама она светом является. Она и есть тот светильник, который помогает нам не споткнуться в потемках нас самих и темноте наших взаимоотношений.

Связь света с добром и благом можно обнаружить всюду. Во всех традиционных еврейских праздниках, во всех значительных событиях семейной жизни присутствует свет.

В давние времена в Иерусалимском Храме день праздничный был днем светлым. Звучали музыкальные инструменты, свет светильников освещал все вокруг, но ни один из них не мог сравниться со светом Меноры – светильника, изготовленного по заповеди Гашема. Сказано в Торе: "И сделай Менору из чистого золота... Смотри и сделай все предметы по тому образу их, который явлен тебе на горе" [Шмот, 31]. Указание изготовить Менору дано Г-сподом Моше после указания изготовить ковчег, но до указания по строительству жилища.

Свет Меноры не предназначен для освещения чего-либо, он усиливается от краев к центру и светит внутрь. Менора подобна солнцу, на которое нельзя смотреть прямо из-за его яркости и, поэтому, Менора прикрыта занавесами.

После разрушения Храма запрещено изготавливать точную копию Храмовой Меноры, потому что нельзя повторить или тем более заменить свет первой Храмовой Меноры и свет неразрушенного Храма. Это определяется Галахой, сборником еврейских законов о свете и светильниках.

Свечи и светильники зажигаются в домах евреев при всех значительных событиях, как радостных, так и печальных. При рождении, обручении, свадьбе в огнях свеч и светильников восстанавливаются частицы света, блага и святыни Творения, бывшего когда-то.

Поминальная свеча, при всей ее печали, все равно содержит в себе свет, свет души человека, ибо сказано: "Свеча – живая душа человека" [Мишней, 72-02].

Всегда горит свет в синагоге. Всегда горит "вечная" свеча. Зажжением свечей начинается и заканчивается суббота. Гавдала – зажжение огня в конце Субботы – это первая позволенная работа, посвященная, как и вся Суббота, Г-споду. Это начало разрешенной работы в последующие дни недели. Знаменательно, что праздник светом начавшийся, светом и завершается.

Зажженными свечами поколения и поколения евреев встречают Хануку, праздник, который непосредственно связан с дарованным еврейскому народу чудом Г-спода, света в Храмовых светильниках.

При Хасмонеях, во время правления в Израиле греков, завоеватели пытались запретить и нарушить традицию. Греки осквернили Храм и храмовое масло, предназначенные для светильников. Оскверненным маслом было невозможно разжечь Менору, а после победы над греками евреи нашли в Храме только небольшой сосуд с чистым маслом, которого хватало только на один день горения светочей Меноры. Для приготовления нового масла требовалось не менее восьми дней. Тем не менее святую Менору зажгли и она чудесным образом горела по воле Г-спода все восемь дней, необходимые для приготовления нового масла.

В память об этом чудесном событии – победе света над тьмой и чистоты над скверной было установлено каждый год 25 кислева, т.е. в тот день

когда Менора была зажжена, зажигать первую ханукарскую свечу. Затем, каждый день прибавляют еще по свече и на восьмой день горят уже все восемь свечей.

Сказано: "И был вечер, и было утро: день один" [Брейшит, 5]. Так, если существует свет, то существует и тьма. Для того, чтобы существовал день, необходимо ночь, и только в сравнении с ней день – это день. Раз нам необходимы светильники, то это значит, что темнота существует. Но темнота, тьма – это не только противоположность света. Тьма существовала до света, ибо сказано в Торе: "В начале сотворения Всесильным неба и земли, когда земля была пуста и нестройна, и тьма над бездной..." [Брейшит, 1,2], но свет есть творение Г-спода, который сам суть святость и свет. Тьма и пустота есть то, относительно чего происходит Творение, и свет есть то, что побеждает тьму и то, что тьмой лишь усиливается. Свет порождается в противовес тьме и побеждает ее – и по сотворению света невозможна уже тень без света.

Основатель хасидизма Баал Шем Тов сказал: "Гематрия слова свет равна гематрии слова тайна". Через свет Меноры, через свет свечей происходит приобщение и понимание тайны Традиции, данной Г-сподом.

Свет сменяет тьму и побеждает ее. Подтверждения этому мы можем найти во всем. Начиная со смены ночи днем и чередованием дурного и светлого и заканчивая завершением периода Шоах в самых страшных его проявлениях – истреблении еврейства и созданием государства Израиль, гербом и символом которого является Менора – священный светоч из разрушенного Храма.

Свет может сменить тьму и в нас самих. В Торе сказано: "И видели все сыны Израиля лицо Моше, которое светилось, а затем снова закрывал Моше лицо свое – пока не приходил он к Г-споду, чтобы говорить с ним." [Шмот, 35]. Моше выполнял заветы его, и в труде и в служении своем приобрело лицо его печать Шехины – знак света и святыни.

В нашей жизни и наших блужданиях светочем, который освещает наш путь, является Тора, и темнота, нас окружающая и часто сгущающаяся, уступает перед ее светом. "И сказал Б-г: Да будет свет!.. и отдал Б-г Свет от тьмы." [Брейшит, 2-3].

Under the Direction
of Rabbi Adin Steinsaltz

ברב עדין סטינזאלץ שליט"א שרי האלף

The Aleph

ВЕСТИ

JEWISH UNIVERSITY IN MOSCOW

№ 4 май 1993 г. / сиван 5753

СИНАЙСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ – ПЕЧАТЬ ЕВРЕЙСТВА

Рабби Адин Штайнзальц

Праздник Шавуот – "время дарования Торы" – во многих отношениях наиболее важное событие во всей истории еврейского народа. И это несмотря на то, что наша история изобилует памятными датами величайшего значения, чудесными спасениями и катастрофами, днями счастливыми и скорбными. Однако все они не сравнимы с кардинальным событием – дарованием Торы.

Это главное, что произошло с народом, предопределило его уникальный характер, его особое место в мире. Многие народы кочевали с места на место, пока не основали постоянных поселений, многие нации создавали свое государство и, как и мы, теряли его. (Хотя не часто случалось, чтобы народ увёл в плен, а затем позволили ему вернуться, но это лишь особый исторический эпизод.) Можно было бы сказать, что в истории Израиля нет ничего действительно выдающегося по сравнению с историей других народов, если бы не предстояние евреев на горе Синай и получение Торы – ни с чем не сравнимое, исключительное событие. Ничего похожего не сохранила память других наций, ни в летописях, ни в легендах. Это явление из числа тех, что взрывают установленные историей границы и накладывают отпечаток на все ее течение. Уникально не только само событие в жизни нации, принявшей свою неповторимую судьбу и новый образ жизни, но и то, что весь еврейский народ получил это учение столь удивительным образом, подчинившись ему навечно.

Итак, вся последующая история Израиля была предопределена, в сущности, одним этим фактом. Никакое иное происшествие всемирной истории несопоставимо с ним, и все, что произошло на протяжении тысячелетий до и после него, отражает, таким образом, его смысл. Ни освобождение от рабства в Египте, глубоко отпечатавшееся в народной памяти, ни история Израильского царства, ни долгое изгнание, ни создание обширного корпуса памятников философской мысли и литературы – ничто не имело бы такого ощущимого влияния на сердца и умы, не будь дарования Торы, которое запечатлено в полных моци словах обещаний и увещеваний (Ваикра, 26 и Дварим, 28). В этих фразах – дуализм благословения и проклятия, созидания и разрушения, изгнания и возвращения. Дарование Торы – явление особого порядка: то, что произошло там и тогда необратимо и нетленно.

И коль скоро это произошло, коль скоро принятие Торы оказалось свое воздействие на народ, возможности пересмотреть это событие уже не было, и даже если люди безнадежно желали этого, они не могли изменить случившегося. С этого судьбоносного часа, когда дети Израиля стали "царством

священников и народом святым" (Шмот, 19:6), они уже не могли стать никем другим. Конечно, отдельные индивидуумы и даже большие группы евреев, а временами и сама нация, могли принять решение не выполнять более обязательства, взятые на Синае. Но такое нежелание и даже временное отрицание никогда не означали отказа от уникальной особой сущности народа, которая была предназначена этим событием. Подобное стремление выражало всего лишь попытку уклониться от принятого соглашения или на время освободиться от него, но оно не могло повлиять на ход вещей. Синайский Завет можно было в тот или иной период игнорировать, но никогда – отменить.

Мы не должны непременно воскрешать в памяти эти попытки отменить Завет: они делались не только в прошлом веке, но и на протяжении тысячелетий до этого. Как сказано в книге Иехезкеля, 20:32, "Будем как язычники, как племена иноземные, служить дереву и камню..." Но подобные попытки никогда не были успешны. Еврейский народ продолжал следовать своим особым путем, и кажется, что отказаться от него невозможно. И действительно, любая попытка сделать это всегда приводила к одному из двух результатов: или к промежуточной фазе, когда народ (или хотя бы часть его) вновь принимал Завет как неукоснительный долг, или к тому, что люди, отказавшиеся от Завета, продолжали существовать как индивидуумы, но не как народ Израиля. Дilemma "десети потерянных колен" все еще продолжает существовать и имеет многообразные проявления в различных исторических ситуациях, но ее суть может быть выражена кратко: "возвратиться или исчезнуть". Ибо поскольку наше принятие Торы необратимо, в принципе невозможно отдать назад ее Б-гу, оставаясь евреями.

Ответ на этот вполне резонный вопрос заключается не в содержании Десяти заповедей, но и в том, каким образом они были явлены, не в их универсальности, но в том, что они были адресованы определенному народу в определенных обстоятельствах. Есть два решающих фактора, благодаря которым Скрижали стали средоточием

еврейской жизни на все времена. Оба они отражают на разный манер одну основную идею, которая сделала еврейскую жизнь как таковую, даже если она внешне идентифицируется с чуждыми формами существования и обычаями, нитью, постоянно связующей народ и Б-га.

Прежде всего, Десять Заповедей заключают в себе силу, стоящую выше всевозможных указаний делать или не делать что-либо. Они призывают к принятию определенной судьбы, которая восходит к синайскому соглашению, и вводят принципиальную концепцию жизни в святости. Посредством этой связи через Завет, дети Израиля стали "Б-жьим народом". Это уже не просто народ, один из многих, но выделенный из всех: "будете моим драгайшим уделом из всех народов" (Шмот, 19:5). Этот выбор, основанный не на единстве рasy, не на кровном родстве или общности территории, но на том, что "вы будете у Меня царством священников и народом святым". И это означает, что Израиль согласился предвосхитить обычную судьбу и выйти за границы того, что является уделом "семидесяти народов" или ста и семидесяти народов мира. Конечно, у евреев могут быть все признаки нации: родина, язык, культура – но они более не служат целям самоидентификации. Поэтому, когда еврейский народ, казалось, потерял все внешние признаки нации и был изгнан на сотни и тысячи лет, лишившись своей родины, языка и единой общественной структуры до такой степени, что многие отрицали его право называться нацией, даже и тогда он продолжал существовать во исполнение своего уникального предназначения быть "царством священников и народа святым".

Естественно, еврейский народ как сообщество пережил глубокие внутренние конфликты и боролся за воплощение своих идеалов. Но во все времена, через все взлеты и падения, принятие своей особой судьбы было его опорой. И в этом значение обета, данного на Синае, и первой заповеди, которая утверждает принцип единобожия, обращаясь не к универсальному акту творения Неба и Земли, но вызывая к еврейскому

Under the Direction
of Rabbi Adin Steinsaltz

שְׁרֵי הַאָלֶף

בנשיאות
רב עדין שטיינזלץ שליט'א

The Aleph

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.

Библиотека Международного Мемориала